

Выносятся в эту сра...
Ну...
Свобода среди нищеты, ниш...
ного лучше, чем
Работа среди пьянства

Go transfer
Мирноса
Look up you

DEAD
ЧТО
ХОМЕРОВ
ТОЛЬКО
МЕШАЮТ
ДРУГИМ

I DON'T
SPEAK
ENGLISH

foreigner,
foreigner,
Russian!

Свобода мелькает
за окном

HE HE
такая штука...
НЕТ, ДА МЕНЯ...

M. Tse

ГЛАВА 10. Часть первая. В тюрьме.

Сегодня меня переведут в другую тюрьму. Из памяти всплывают отрывки кинофильмов, где главный герой, попадая за решётку, борется за свою жизнь и за справедливость. Странно, но всю свою жизнь я был уверен, что никогда не попаду в тюрьму. Каждый раз, когда я вынужден был совершить какое-нибудь безобидное правонарушение, я заранее узнавал, «сколько будет стоить» преступить закон. Что я знаю о тюрьме? Из детских историй, рассказанных старшими братьями моих приятелей по двору, я знал, что в тюрьме существует множество неписаных законов. Я знал, что возле туалета спят самые слабые или «опущенные». Также я помнил, что с «опущенными» нельзя иметь никаких дел, это грозило тем, что тебя могли тоже «опустить», и отправить жить возле «параши». Со слов товарищей, которым рассказывали их старшие друзья, жизнь «опущенных» была просто адом. «Опущенных» называли петухами. Петухи исполняли роль рабов. Их насиловали, избивали, заставляли стирать бельё и мыть туалеты. Нет, такая жизнь не для меня. Надо найти железку, которой я резал себе вены, может пригодиться как нож. Что меня ждет в новой тюрьме? Надо сразу себя правильно показать. Если что, прямой удар в зубы, и не думать о последствиях. А вдруг свободное место в камере будет только возле туалета? Надо будет найти самого слабого в камере и подвинуть его. Неужели это мои мысли? Кем я стал? Кто я? Надо успокоиться, всё будет хорошо. Всё у меня получится. Найдя в куче мусора окровавленную железку, которой резал себе руку, я спрятал её, воткнув в резиновый сланец.

– Василий готов! Go transfer Mapusa Lock up jail, – кричит мне охранник, открывая дверь.

Ну, наконец-то, подальше от этого ада. Смешной маленький джип «Махиндра» везет меня в неизвестность, а за окном мелькает свобода. Что такое свобода? Наверное, каждый по-своему воспринимает это слово: для кого-то это удовольствие, которое можно получить тогда, когда тебе хочется, для кого-то это возможность неограниченного передвижения. Что же такое свобода для меня? Что же отобрали у меня? Я начинаю понимать, что для меня свобода – это возможность быть рядом с моими любимыми людьми. Как там, на воле, мои девчонки? Моя дочь Василюк и жена Лена? С ума, наверное, сходят от новостей обо мне. Какой же я мудака. Какава, к чёрту, психо-

делическая революция? Кому она нужна? Тем идиотам, которые последнее время окружали меня? Эволюция восприятия, квантовый скачок, свобода, независимость... А просили ли они меня менять их сознание? Знал ли я смысл этих красивых слов? Хотели ли они свободы так, как хочу её сейчас я? Придётся, наверное, мне как-то объяснять моей маленькой принцессе, что в школу она в этом году не пойдет, потому что нет денег. Какой же я, действительно, мудака!

– Приехали, выходи, – открывая заднюю дверь автомобиля, сонно говорит охранник.

Одноэтажное португальское здание с черепичной крышей мрачно высовывает свой фасад из чикковых и манговых деревьев, плотно растущих вокруг. Вместо дверей – железные решётки. Подойдя к входу, вспоминаю наставления сумасшедшей Псю: «Ты совсем не говоришь по-английски, это – твой самый большой козырь для суда. И не вздумай ничего подписывать без меня или без адвоката». Начальник тюрьмы, крепкого телосложения индус, ростом чуть выше полутора метров, с голосом, как у гомосексуалиста, спрашивает меня на английском: «Сэр, вы понимаете, где вы находитесь?»

– I don't speak English.¹

– Это тюрьма, есть ли у вас что-нибудь незаконное?

– I don't speak English.

– Этот, как и все русские, по-моему, совсем не понимает, что я ему говорю, посмотрите его и принесите его барахло.

Охранник выносит из чулана кучу грязных тряпок, железную тарелку, кружку и полкуска мыла.

– Вот полотенце, обмотайся им, раздевайся догола и садись на корточки, – знаками объясняет мне охранник.

Рядом со мной раздевается такой же, как я, только что прибывший заключённый индус. Отказавшись почему-то сесть на корточки, он получает звонкую мощную оплеуху, от которой падает на пол. Откуда-то из промежности вываливается маленький пакетик с табаком. Отвесив ему пару оплеух, охранник швыряет ему его вещи. Выполнив его указания, я тоже сажусь на корточки.

– Можешь одеваться, – швырнув к моим ногам грязные тряпки, начальник тюрьмы довольно улыбается, – Это теперь твоя постель. Welcome to Marusa jail.

Надо быть предельно внимательным. Первый день новой тюрьмы. Меня ведут по коридору, вдоль которого тянутся камеры с решётками вместо дверей. В полумраке виднеется пара человеческих глаз. Кто-то кричит:

¹Я не говорю по английски.

«Foreigner, foreigner, Russian!». Всё это напоминает зоопарк, где в клетках сидят большие обезьяны.

– Room number 4, – охранники с грохотом открывают дверь.

Семь пар глаз с любопытством разглядывают меня. Я, молча, осматриваю пространство камеры. Комната чуть больше балкона в моём доме. Как же мы тут все разместимся? Окно, покрытое тремя разными слоями решётки, в углу отгорожен туалет, закрывающийся маленькой дверью только нижнюю часть туловища. На стене, на железной полке, громко работает цветной телевизор. Пожилой индус с монголоидными чертами лица, отодвигая свою подстилку в сторону, показывает мне на место возле окна. «Вроде не плохое «по понятиям» место», – думаю я, бросая свои вещи на пол. Вдоль стен, в полумраке, освещенной одной лампой, сидят семеро человек, с любопытством разглядывая меня. Видимо, кровать я не скоро теперь увижу. Индусы любят спать на полу.

ГЛАВА 10. Часть вторая. На воле.

– Им, наверное, всё равно где спать, – произнес я, показывая на туземцев, лежащих прямо на тротуаре.

– Индусы, вероятно, самые ленивые после арабов люди, – после небольшой паузы ответил Яир, переступая через ноги спящего в тени дерева человека, – Они большую часть своей жизни спят. Спят ночью, спят после еды, спят в обед. Да и спать им всё равно где, где сморило, там и спят. Где нашли тень, там и пристраиваются.

– Поэтому и грязь у них везде, оттого, что поспать они предпочитают уборке своего же мусора, – добавила Эди, протягивая свои тонкие губы для поцелуя Яиру, – I love you, my darling.

Яир, обхватив Эди, за тонкую, стройную талию, хотел было насладиться спонтанно возникшим чувством любви, как часто бывает у влюбленных, но, тут же одернул. Пожилые индусы, расположившиеся в тени домов и деревьев, с разных сторон улицы начали агрессивно выкрикивать: «No kiss! No kiss! Go home, kissing at home!». Мгновенно превратившись в моих глазах из добрых старцев в злобных карликов, они стали махать нам кулаками, выкрикивая что-то явно нехоршее.

– Пойдемте лучше в отель, на крышу, чилум покурим, чаю попьем. Там никто не сможет вам помешать целоваться. И вид там на Пушкар открывается замечательный, – предложил я, не желая вступать в какой либо конфликт с местными жителями.

– Дикари, – негромко, но презрительно обратилась к старикам Эди, демонстративно обнимая любимого.

– Пойдемте, ну их к чёрту. У них уже давно, наверное, не стоит от старости, вот они и злятся на самих себя, – ответил Яир, потянув свою подружку за руку.

Удивительный все-таки город Пушкар, город вегетарианцев и верблюдов. Маленький городок, расположенный вокруг маленького круглого озера, кишашего рыбой. Заплатив несколько рупий, мы купили целую миску вареного гороха, и какое-то время наблюдали, как карпы, отталкивая друг друга, пыгаются проглотить своими жирными губищами как можно больше корма. Удивительно, но, не смотря на это, в городе нельзя купить не рыбы ни мяса. Это запрещено здесь местным законом. Ни рыбы, ни мяса в продаже нет нигде. Город, состоящий из многочисленных индуистских храмов, считается в Индии священным. Так же, как и в Дели, маленькие улицы напоминают поток живой массы. Верблюды, коровы, слоны, обезьяны, туристы, местные жители, – всё это разноцветной массой течет между десятками храмов, оставляя под ногами сотни килограмм разнообразного дерьма. Удивительный город, где опиум и гашиш купить легче, чем мясо и рыбу.

– На берегу озера есть отличное место, где можно покурить. Может, сделаем привал? – предлагает Яир, вытирая платком мокрое от пота лицо.

– Я не против, очень хочется в тень, поближе к воде, – соглашаюсь я, обмахивая себя, купленным по пути веером.

Пройдя метров пятьдесят, мы оказываемся в тенистом месте, где возле озера расположены десятки бетонных скамеек. С пару сотен разношерстных людей, кто сидя, кто стоя, ожидают каждодневное шоу. Шоу под названием «сансет». Люди, окружающие меня, совсем не похожи на привычных мне туристов, которых можно увидеть на любых курортных побережьях. Почти все одеты в простые, но разноцветные индийские одежды. Большинство, независимо от возраста и пола, с длинными волосами или с дредами. Такое ощущение, что я попал на другую планету, или улетел на машине времени назад, во времена расцвета хиппи. Повсюду доносится музыка барабанов. Люди попивают чай, и, пританцовывая, неторопливо общаются между собой. С разных сторон, периодически восхваляя индийских богов, поют мантры. Удивляет то, что большинство курят чилумы и никто не пьет алкоголь. И у всех счастливые, беззаботные лица. Солнце касается холма и Яир торопливо заканчивает подготовку своего чилума. Лучшее время для медитации под чилум – это заход солнца. В это время приходит осознание бренности всего в этом мире. Внезапно, к площадке перед озером подъезжают два полицейских джипа, из которых начинают быстро выскакивать полицейские в темных очках. «Ну вот, сейчас начнутся маски шоу», – сразу подумал я, вспомнив российскую милицию. Но никто, кроме меня, и не подумал прятать чарас или чилумы. Никто не выражал озабоченность присутствием

полицейских. Яир, показывая на странно важного индуса, вылезавшего из джипа, успокоил меня.

– Видел этого важного, в костюме? Это – один из министров Индии, про него в газетах писали. На недельку в Пушкар помедетировать приехал. Каждый вечер приезжает сюда с охраной, солнце проводить.

Представляю, что было бы в России, если бы в присутствии русского министра кто-нибудь попытался закурить гашиш. Арестовали бы, и посадили лет на десять, как террориста. А тут бабы² гашиш курят возле каждого храма.

Вдруг, не сговариваясь, дробь барабанов из разных мест площадки начала сливаться в единый ритм. Это солнце коснулось горизонта, приготовившись спрятаться до следующего дня. Эди, поджигая чилум Яиру, мелодично запела мантру. «Бум Булинат, Саб Ки Сат, Бум Шива, Бум Шанкара, Бум». И, одновременно со всех сторон, стали доноситься мантры, восхваляющие Шиву за то, что он сотворил гашиш. На министра и его охрану, по-моему, никто, кроме меня, не обращал внимания. Кажется, что для него тоже ничего не существует в эти минуты. Он молча, вместе со всеми провожает глазами уставшее за день солнце. Десятки гордо поднятых в небо чилумов, и огромное сладкое облако чараса. Необыкновенное зрелище. Я тоже глубоко затягиваюсь гималайским чарасом с мыслью, что я влюбляюсь в эту страну. Несмотря на грязь, нищету и убогость, здесь всё пропитано свободой. Свобода среди нищеты намного лучше, чем рабство среди гламура. Делай что хочешь, только не мешай другим. Вот, наверное, в чем заключается истинная демократия, которую подменили нам лживой фразой «У всех одинаковые права». Нигде я не чувствовал себя равным в правах с другими так, как здесь, в Пушкаре, куря гашиш рядом с министром, провожая солнце. В какой-то момент наступает абсолютная тишина. Порывом ветра, с телеги полной пальмовых листьев, используемых как одноразовые тарелочки, слетает один небольшой лист. Время словно останавливается в этот момент, и, кажется, что лист падает бесконечно долго в образовавшейся внезапно тишине. Будто в замедленном кино, он падает, кружась, словно в танце. А я стою, молча и улыбаясь, наблюдаю это волшебное действие. Как только он касается земли, где-то в другом конце города раздается громкий звон колокола. Как будто кто-то нажимает на невидимую кнопку «Play», и снова пространство оживает после божественной паузы, наполняя мир тысячами звуков. Солнце село, жизнь продолжается.

---

²Баба' – Человек, отказавшийся от мирских нужд, идущий по пути духовного развития и просветления.